

УДК 130.2:264:821

Елена Яковлева
(г. Казань)

И ЭТО ВСЕ О НЕЙ...

Сказочным чем-то повеяло снова...

В. Соловьев

*Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей...*

А. С. Пушкин

Баба-Яга, олицетворяющая судьбу русской женщины, несет в себе огромную энергетическую силу и мощь, что задает многоплановость и непредсказуемость модуса ее жизни. Несмотря на свою второстепенность, Баба-Яга несет большую ответственность за счастливые судьбы героев, проходящих при ее участии обряд инициации. Именно эта сказочная героиня своими эмоциями, действиями и поступками показывает противоречивость и спонтанность женской натуры, вмещая в себя различные стереотипы характера (любящей женщины, женщины-демона и женщины-героини). Связанная с Великой Матерью, Баба-Яга является «осколком» матриархальных, патриархальных, шаманских, анимистических и тотемистических представлений древнейшего мировидения. Все это делает архетипический образ не только сложным, но и при этом достаточно вуализованным, ввиду того, что в дошедших до нас сказочных историях Баба-Яга показана старухой.

Ключевые слова: архетип, Баба-Яга, инициация, интуиция, жизненный путь, лес, избушка на курьих ножках, ступа и помело.

Женщина в различные культурно-исторические эпохи в силу природной артистичности, практичности и мягкости/властности меняла свои маски, выступая в роли музы, романтической/героической натуры, коварной искусительницы, тайного манипулятора или

прагматичного властителя. Пытаясь проникнуть в тайны ее души, осуществим реконструкцию образа Бабы-Яги, характеризуя его как архетипический применительно к русскому женскому началу.

В концепции психоаналитика К. Г. Юнга понятие *архетип* означает изначально-врожденные психические структуры, образы фантазии, присущие человеческой общности и составляющие основу коллективного бессознательного [1]. Архетип, представляя схематичную конструкцию, содержательно раскрывается только при соприкосновении с конкретной ситуацией, наполняясь материалом опыта. До сих пор нет полного систематизированного списка архетипов. Если вспомнить К. Г. Юнга, то, работая с ними, он при необходимости пополнял свой список. На наш взгляд, выделенные им архетипы Большая мать, Анима и Анимус не в полной мере раскрывают природу женской души. Более того, сам ученый, являясь западным человеком, характеризует женщину своего типа ментальности. А как быть с «загадочной русской душой»?

Пытаясь содержательно реконструировать архетип Бабы-Яги, мы обнаруживаем его множественность и даже кентавричность. Яга представляет собой сложную женскую натуру, в которой переплетены реальные и мифологические черты. Ее образ мозаичен: он включает в себя матриархальные, патриархальные, шаманские, анимистические, тотемистические элементы. Она – значимая Богиня древности, чье сакральное значение несколько раз трансформировалось, дойдя до нас в лоскутно-преображенном виде. Тем не менее, «русская Баба Яга... и другие, – это не «Венеры», которые несут плодородие и прогресс, они... гораздо большее, чем только это. Перечисленные дарительницы жизни и вершительницы судеб являются «властительницами» (или «правительницами») и как таковые сохранились в индивидуальных верованиях очень долго, несмотря на то, что их сбросили с постаментов, милитаризовали и скрестили с индоевропейскими божественными невестами и супругами» [2, с. 332]. При этом Баба Яга обладает «неким дьявольским духом» [2, с. 333], придающим ее образу «перчинку».

В дошедших до нас сказках Баба-Яга, как правило, выступает в качестве второстепенного персонажа, тем не менее, ее функции являются ключевыми. Именно она владеет ключом сказочной загадки (знает о месте нахождения Кощея Бессмертного/Змея Горыныча/потерянного), тем самым помогая герою/героини в обряде инициации. Пройдя ряд испытаний с помощью Яги (ее рекоменда-

ций или волшебных предметов), герой/героиня, преодолевая препятствия, становится в прямом значении слова Героем/личностью. Помощь Яги обусловлена ее первоначальной ролью Великой матери, несущей ответственность за все рожденное и живущее, что передалось каждой женщине в виде материнского инстинкта и мудрости, основанной на жизненном опыте, практичности и знаниях. Н. Бердяев в «Метафизике пола и любви» пишет, «женщина, осуществляя свое женственное назначение, может сделать великие открытия, которые не способен сделать мужчина. Только женщине могут открыться некоторые тайны жизни, только через женщину может приобщиться к ним мужчина» [3, с. 47]. В приведенной цитате обнаруживаются намеки на *особое* женское знание, основанное на интуиции, опыте и чутком восприятии жизни, что дает возможность приобщения к тайнам бытия. П. А. Флоренский справедливо полагает, что «женская деятельность в значительной мере, в более значительной, чем мужская, есть деятельность не самой женщины, а других сил в женщине» [4, с. 21]. Здесь русский философ, на наш взгляд, вуалирует в качестве *другой силы* – интуицию как энергичную гносеологическую особенность в жизни женщины, трудно поддающуюся рационализации и дефиниции.

Баба-Яга, являясь женщиной (о чем многие забыли или не берут в расчет, ввиду нивелированности полового различия из-за возраста, ставшего причиной ее постепенной мимикрии в «пол без пола»), владеет знаниями, полученными благодаря насыщенной событиями жизни и испытанным разнообразным чувствам. Необходимо напомнить, что знание женщины не только интуитивно, но эмоционально-субъективно: каждая женщина несет в себе, нередко глубоко сокрытый или нераскрытый, огромный диапазон чувств, эмоций и образных ассоциаций, накопленных благодаря собственному взгляду на ситуативность мира. Прав был П. А. Бакунин, утверждая, что женщина, «чтобы узнать, живет и любит, и потому узнает все голоса жизни» [5, с. 391], что подчеркивает гносеологический характер женских эмоций, ее эмоциональный интеллект.

Никто не задумывался, что у Бабы-Яги есть своя история жизни, которой нет места в сказочном повествовании. Тем самым бытие Яги, окутанное тайной и недосказанностью, становится мифизированным. Согласно законам мироздания, жизнь проходит стадии рождения – детства – молодости – зрелости – старости.

Все эти стадии прошла когда-то и Баба-Яга, но в сказках сохранились только эпизоды, связанные с ее старостью, которая была преждевременной из-за многознания (вспомним русскую поговорку «Много будешь знать – скоро состаришься»). Судя по волшебному дарованию и развитой интуиции, жизненный путь Яги был богатым и событийным/со-*бытийным*. В глухом лесу, среди диких зверей и разного рода нечисти (Ауки, Лешего, кикиморы, лесавок и Листина) она безропотно несет свой женский крест, что говорит о драматичности ее судьбы. Отсутствие семьи (по некоторым версиям она съела дочь/дочерей), неуклюжее ведение домашнего хозяйства (из-за слепоты), но при этом осмотр вверенной ей территории и постоянная забота о периодически появляющихся в избушке посторонних – таков список ее дел. Хотя сказочное предание и потеряло историю Бабы-Яги, тем не менее, в ее жизни, наверняка, была и страничка любви/любовей (неудачных), вследствие которых она оказалась в одиночестве в лесу, живя отшельницей и быстро выпроваживая непрошенных гостей. Женское лесное одиночество сделало ее сильной и независимой, способной, при необходимости, возложить на себя мужские обязанности. Помогая героям сказок в структурировании их «расплывчатой душевности» (Н. Бердяев) и жизненного пространства из хаоса в космос, она решает самостоятельно «что делать?». Вспомним блоковские строчки, в которых он выразил женскую самодостаточность и мужественность, пронизанные безропотностью и трагедийностью:

«Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена – все больно».

Как истинная женщина, Яга непредсказуема в своих словах и действиях, проявляя злобность/бунт/жестокость и в тоже время доброту/смирение/жалостливость, что заставляет говорить о ее демонизме. Чувства и поступки Бабы-Яги как женщины алогичны: нередко она поступает вопреки тому, что от нее ждут (не съедает гостей, а дает им совет). Баба-Яга хранит традицию и владеет древним знанием, проявляя свою «злобную сострадательность», способность к сочувствию и самопожертвованию через проявление негативных эмоций. Но агрессивность, злобность и жестокость Бабы-Яги театрально-эмоциональны («вот изжарю тебя в печи да съем и на косточках покатаюсь», «Эй вы, слуги мои вер-

ные! Рубите незваным гостям буйны головы»): они выполняют воспитательно-назидательные функции, помогая героям сказок в их путешествиях-инициациях. Баба-Яга проявляет по отношению к другим роль воспитателя, организуя прохождение испытаний в условиях рисков и непредсказуемости. Неслучайно Ягу считают вдохновителем великих дел чужой судьбы. Но помогая другим, Баба-Яга, высвечивая интуитивность своей метафизики, являет связь с древними Богинями/Великой матерью. Так, К. П. Эстес, анализируя обучающие функции Бабы-Яги, написала: «благодаря выполнению этих заданий в женскую душу возвращается интуиция – то мудрое существо, которое повсюду ходит вместе с женщиной, глядит на все, что та видит в жизни, быстро и точно определяет истинность всего этого. А цель – любовные и доверительные отношения с этим существом, которое мы называем «мудрой женщиной», сущностью архетипа Первозданной Женщины» [6, с. 126].

Баба-Яга олицетворяет женщину, которая в своей жизни преодолела множество невзгод и трудностей, что отразилось на ее лице. Внешность Бабы-Яги является довольно отталкивающей: уродливая, костлявая, страшная старуха-волшебница. Вспомним ее сказочные описания: «на печи, на девятом кирпиче лежит Баба-Яга, костяная нога», «ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос», «сопли через порог висят, сама зубы точит», «кости у неё местами выходят наружу из-под тела» [7, с. 139, 58, 267]. На внешнюю непривлекательность указывает и этимология слова «Яга» – ужас, опасный, сердиться. Подчеркнем, что понимание красоты является непостоянным, ускользающим и эфемерным, меняющимся (довольно быстро) в зависимости от модных, современных/*современных* тенденций. Более того, «все на свете боится времени»: нередко увядающая красота являет свою оборотную сторону в виде уродства. Необходимо заметить, что сами русские женщины, несмотря на свою внешнюю привлекательность, следуя модным тенденциям или эпатуруя окружающих, намеренно «уродовали» свой облик. Так, Наталья Гончарова, создав моду «на черно-белые и оранжево-синие платья-рубашки», скрывающие достоинства фигуры, введя особый макияж («представительницы богемы стали выезжать в санях с лошадками, домиками и слониками, нарисованными на щеках, лбу или шее»), сама «покрывала свое лицо ультрамаринным тоном, скрывавшим естественные черты ее лица» [8, с. 17].

Возвращаясь к образу Бабы-Яги, обладающим мощной энергетикой и мистическим ореолом, необходимо заметить, что его демоничность, совмещающая в себе «мадоннские», «содомские» и «дионисийские» черты, вызывает у реципиента одновременное отвращение и очарование (многие герои обращаются к ней ласково «Ягишна», «бабушка»). Ее образ в искусстве оказывается одним из любимых и великолепно воспетых (подчеркнем, мужчинами). Вспомним, образы Яги, ставшие предметом преклонения и даже «иконой стиля», в произведениях А. С. Пушкина, В. А. Жуковско-го, А. Толстого, В. Нарбута, живописных работах В. Васнецова, И. Билибина, А. Бенуа, И. Малютина, а также – непревзойденный кинематографический облик в исполнении Г. Милляра. В современном ландшафте культуры имя Яги как специфический стильный символ носят магазины, рестораны, фитнес-центры, бренды одежды, всевозможные веб-сайты и пр. Можно смело утверждать, что Баба-Яга была женщиной-музой, вдохновившая на творчество огромное количество мужчин. Согласимся в связи с этим с Н. Бердяевым, резюмировавшим следующие черты женщины, которая «должна быть произведением искусства, примером творчества Божьего, силой вдохновляющей творчество мужественное» [3, с. 21]. В одном русле с ним размышляет и А. Белый, утверждающий, что у художника обнаруживаются в творческом процессе два вида вдохновения: первое – вдохновение созерцания, женственное по своей природе, второе – вдохновение воплощения созерцаемого, активно-мужественное по своей природе. Судя по вечности образа Бабы-Яги, она вдохновляла и при созерцании, и при художественном описании, тем самым совмещая в себе женское и мужское начала. Объяснить привлекательность образа Бабы-Яги, как нам кажется, можно ее непредсказуемостью, противоречивостью и закрытостью, накладывающимися на образ флер женской загадочности, нередко имеющей из-за печального жизненного опыта мрачный оттенок:

«Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои.
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят они
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.
Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль, изреченная, есть ложь –
Взрывая, возмутишь ключи,
Питайся ими – и молчи...» (Тютчев Ф. И.).

Зловещий модус имеют атрибуты Яги – все темное/страшное (лес, запутанные тропы, буйные ветры, дикие звери, нечисть), которое необходимо победить герою, преодолев страх. Семантика темного/страшного соотносится с миром смерти, испытание которой во время инициации проходит герой, «умирая» в одной фазе и «рождаясь» в другой. Здесь срабатывает диалектический закон бытия – «закон единства и борьбы противоположностей», согласно которому только через призму темного/негативного понимается светлое/позитивное, только через призму зла познается добро. Баба-Яга своими негативными эмоциями/поступками показывает пределы дозволенного/нравственного, обучая иницируемых правильным поступкам и действию в жизни, особенно – в пограничной ситуации морального выбора. В связи с этим, Яга как женский архетип/Великая мать является необходимым персонажем становления личности, передавая знания и обучая мудрости жизни.

Каждый из атрибутов Бабы-Яги имеет собственное смысловое значение, дающее информацию о хозяйке и являющееся значимым в обряде инициации. Так, дремучий лес, в котором обитает Яга, олицетворяет хаос, который необходимо гармонизировать. Лес с его запутанными тропками, ведущими в неизвестном направлении, рождает не только чувство страха, но и азартное желание приключения/*при-ключе-ния*, связанное с познанием неизведанного.

Неоднозначные чувства вызывают и деревья в лесу – они пугают и одухотворяют, вызывая *благоговейный ужас*. Дело в том, что в древности деревья считались вместилищем духа, способного оказывать благоприятное/вредоносное воздействие на человека. Поэтому задача каждого, попавшего в дремучий лес Яги, понять и познать окружающий мир, расширить свой кругозор и правильно реагировать на возникающие ситуации, находя решения к ним с помощью советов Бабы-Яги, что в итоге трансформирует героя/героиню, способствуя качественному преобразованию и личностному росту.

Лес с его непредсказуемо-потаенным заставляет человека быть бдительным, готовым к различным ситуациям. Его можно считать

символом жизненного пути, который необходимо достойно пройти, сумев выстоять в драматических и даже трагических ситуациях. Переноса символизм леса на образ Бабы-Яги, можно утверждать, что он олицетворяет ее судьбу с неожиданными жизненными поворотами и множеством темных, сокрытых глубоко в бессознательном, желаний души и несбывшегося. Подобное можно обнаружить в судьбе каждой (даже великой/знаменитой) русской женщины, на долю которой в любую культурно-историческую эпоху выпадает множество испытаний.

Дом Бабы-Яги – избушка на курьих ножках, окруженная забором из костей с черепами, – стоит на границе тридесятого царства, то есть, по мнению В. Я. Проппа, на границе живого и мертвого миров. Именно это обстоятельство указывает на важную функцию Яги в обряде инициации, подразумевающим символическую смерть одной фазы (детства) и рождение другой, связанной с миром взрослых. Заметим, символ смерти присутствует и в самом облике Бабы-Яги, у которой одна нога костяная. Птичьи ноги жилища, связанные с пережитками тотемизма, указывают на подвижность дома и его пластичность («стоит избушка на курьих лапках, кругом повертывается»), благодаря которым он поворачивается в сторону пришедшего. Ввиду этого, архетип Яги дополняется новыми характеристиками, связанными с круговыми вращениями, олицетворяющими бесконечность, и ногами – символом пути, движения, что в целом может символизировать бесконечность развития. Действительно, на каждом этапе своей жизни женщина учится новому (быть хозяйкой/женой/матерью/бабушкой), проявляя смекалку и мудрость. Помимо этого, избушка на курьих ножках олицетворяет непостоянство женской души, способной повернуться в любую сторону, и ее пластичность, благодаря которой женщина может подстроиться под любого человека, смиренно/театрально исполняя приказы сильнейшего. Не стоит забывать, что избушка – это дом, выступающий символом безопасного пространства и защиты. Для человека дом как освоенное место обитания отождествляется с семьей и ее традициями, сокровищницей родовой мудрости, постоянством, а также сакральным пространством – своеобразным храмом, семейным гнездом, где можно укрыться, подумать/поведать о сокровенном, оказать гостеприимство. Но дом Яги, стоящий на курьих ножках в мрачном месте, где кроме нее никто не обитает, символизирует неустойчивость/

нестабильность и зыбкость существования на грани жизни и смерти, предупреждая о бренности бытия.

Помимо связи с миром мертвых, у Бабы-Яги обнаруживаются символы, говорящие о ее причастности к миру небесному – вспомним ступу и помело. «Баба-Яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след заметает» [7, с. 126]. Изначально ступа и помело имели хозяйственное назначение, связанное с женскими работами: в одной перемальвали зерно в муку, посредством другой – создавали чистоту. Каждый из этих атрибутов связан с трудом, в результате чего достигаются трансформации – превращение несъедобного в съедобное, грязного в чистое. Сказочный полет в ступе с помощью помела выступает в качестве метафоры духовной работы как возможности подняться над рутинной повседневностью, сохраняя в мечтах чистоту своих помыслов. Здесь необходимо вспомнить образ Родины у русских, олицетворяющий *высокую концентрацию духовности*, поиск высшего смысла жизни и абсолютного совершенства, сопровождающегося прорывами в сферу Истины, Добра и Красоты. Возможно, именно подобные духовные порывы и пытается осуществить Баба-Яга, маскируя и скрывая от всех свои искания ужасающими/эпатажными выходками (свистом и покрикиванием).

В целом можно утверждать, что архетип Бабы-Яги объемлет собой триадность мироздания, связанную с делением мира на три части – Небо, Землю и подземный мир, что подчеркивает ее изначальную функцию Великой матери, женщины как прародительницы всего сущего и хозяйки мироздания. Это триединство в архетипе Яги проявляется и в других сочетаниях – духовное, душевное и телесное; интеллектуальное, моральное и эстетическое; чувства, мысли и поступки и др. Сама Баба-Яга и ее дом олицетворяют космос, что напрямую говорит о единстве мироздания. Здесь голова с носом, вросшим в потолок, и крыша олицетворяют небесную сферу, тело и сруб дома с печью – Землю, а ноги и подпол – подземный мир. Вросший в потолок нос символизирует мудрость и интуицию, а помещенные в ступу ноги – сексуальный аспект жизни и целенаправленное движение к цели.

Многозначность архетипа Бабы-Яги отсылает к рассуждениям В. В. Розанова. По поводу женской души он писал: «в психике женской есть то качество, что она не жестка, не тверда, не очерчена резко и ясно, а, напротив, ширится как туман, захватывает

собою неопределенно далекое; и, собственно, не знаешь, где ее границы» [9, с. 213].

В связи с вышесказанным, подчеркнем: образ Бабы-Яги можно считать архетипом, содержащим в себе повторяющуюся схему бытия русской женщины со множеством испытаний, выпадающих на ее долю. Несмотря на свою второстепенность, Яга является ключевым/ключ-евым персонажем сказок. Безусловно, Баба-Яга – плод творческого воображения, тем не менее, ее черты заимствованы у реальных женских прототипов. В силу этого, Яга как собирательный персонаж есть калька женского начала, обобщенно передающая часто повторяющиеся черты (мудрость, интуитивность, театральность, покладистость, своенравность и др.). Ее в полной мере можно назвать *героиней*, привлекающей к себе внимание на протяжении тысячелетий. Прожив непростою (потаенную от всех) жизнь и став музой творческих людей, она выступает направляющим ориентиром, совершая значимые поступки для становления личности испытуемого в обрядах инициации. Реконструировав многогранность и неоднозначность образа Бабы-Яги, можно утверждать, что она являет собой силу русской женщины, связанную с жизненным опытом, практицизмом, интуициями, творчеством и смекалкой, одиночеством в решении проблем, смелостью и отвагой. Поэтому не стоит обижаться на метафору, брошенную в адрес женщины и связанную с образом Бабы-Яги. Этим стоит гордиться: архетип Бабы-Яги как Великой матери олицетворяет высшую мудрость, благодаря которой женщине открываются законы мироздания и тайны метафизики человека.

Литература:

1. Юнг К. Г. Структура психики и архетипы / К. Г. Юнг. – М. : Академический проект, 2009.
2. Угрешич Д. Снесла Баба Яга яичко / Д. Угрешич. – М. : Эксмо, 2011.
3. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви / Н. А. Бердяев // Эрос и личность: Философия пола и любви. – М., 1989.
4. Флоренский П. А. Имена / П. А. Флоренский // Тайна имени. – Харьков, 1995. – Т. 1.
5. Бакунин П. А. Запоздалый голос сороковых годов: (По поводу женского вопроса) / П. А. Бакунин. – СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1881.
6. Эстес К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / К. П. Эстес. – М. : София, 2004.

7. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. – М. : Наука, 1984. – Т. 1.

8. Васильев А. Этюды о моде и стиле / А. Васильев. – М. : Альпина нон-фикшн, 2014.

9. Розанов В. В. Люди лунного света: Метафизика христианства / В. В. Розанов. – М. : Эксмо, 1998.

Яковлева О. Л. І це все про неї...

Баба-Яга, що уособлює долю російської жінки, несе в собі величезну енергійну силу і міць, що задає багатоплановість і непередбачуваність модусу її життя. Незважаючи на свою другорядність, Баба-Яга несе велику відповідальність за щасливі долі героїв, що проходять за її участі обряд ініціації. Саме ця казкова героїня своїми емоціями, діями і вчинками показує суперечливість і спонтанність жіночої натури, вміщуючи в себе різні стереотипи характеру (люблячої жінки, жінки-демона і жінки-героїні). Пов'язана з Великою Матір'ю, Баба-Яга є «осколком» матриархальних, патріархальних, шаманських, анімістичних і тотемістичних уявлень найдавнішого світобачення. Все це робить архетипний образ не тільки складними, але водночас досить вуальованими, зважаючи на те, що в казкових історіях, які дійшли до нас, Баба-Яга показана старою.

Ключові слова: архетип, Баба-Яга, ініціація, інтуїція, життєвий шлях, ліс, хатинка на курячих ніжках, ступа і помело.

Yakovleva E. L. It's all about her...

Baba Yaga, a symbol of the fate of the Russian woman carries a huge energetic strength and power that sets the diversity and unpredictability of the mode of her life. Despite its minor, Baba Yaga is a great responsibility for the fate of the characters happy passing with its participation initiation rite. It is this fabulous character emotions, actions and deeds shows inconsistency and spontaneity of female nature, fitted into various stereotypes character (loving female demon and female heroine). Associated with the Great Mother, Baba Yaga is a «splinter» matriarchal, patriarchal, shamanic, animistic and totemic representations of the ancient world view. All this makes the archetypal image of not only complex, but at the same time enough to veil, in view of the fact that in the extant fairy tales Baba Yaga is a old woman.

Keywords: archetype, Baba Yaga, initiation, intuition, way of life, forest, hut on chicken legs, stupa and pomelo.